

Виктор ЭРМАНС

На сцене и эстраде

За последние полтора десятилетия М. Миронова неоднократно меняла жанры, как бы испытывая свое большое, оригинальное дарование.

Имя Мироновой последовательно появляется на афишах Московского театра оперетты, МХАТ II, Мизюкхолла, Центрального театра транспорта и, наконец, Московского театра миниатюр, где артистка играет в течение нескольких сезонов,

Повидимому, Театр миниатюр слабо помогал Мироновой совершенствовать и углублять ее искусство.

В этом театре Миронова создала вереницу образов-плакатов, которые смешны, но лишены глубокого содержания. Режиссура театра, постоянно меняющаяся, не вела серьезной работы с актрисой, которая «сама все может». Миронову выручала яркая, неповторимая индивидуальность — самое, по сути дела, ценное в актере. Миронова удивляла, иногда даже ошеломляла во многих своих ролях, но преодолеть бедность драматургического материала не могла, а может быть, и не хотела.

«Миронова? Ах, это та, что смешно разговаривает по телефону?» — вот готовая аттестация, возникающая у зрителя, в связи с упоминанием имени этой актрисы. Очень жаль. Оригинальное комедийное дарование Мироновой заслуживает драматургического материала, куда более значительного и интересного, чем те телефонные разговоры, которые преподносит она от имени бесчисленных Жозь и Фиф из вечера в вечер. Что и говорить, Миронова преуморительно исполняла «Блуждающий дом», или

«У актерского под'езда», или «Дамские пальчики». Но было бы обидно узнать, что артистка намеренно ограничивает выбор тем и сюжетов традиционными «разговорами по телефону», пустыми, нелепыми сценками в парикмахерских и ателье мод. Думалось, что рано или поздно Миронова вырвется из круга заштампованных персонажей и обратится к правдивым жизненным образам. Так оно и случилось.

В прошлом сезоне Московский театр миниатюр предпринял удачную попытку в новом для него плане — он поставил обозрение «Где-то в Москве». Почти одновременно и в творчестве Мироновой — судьба театра и его первой актрисы всегда неразрывно связана между собой — появилось тяготение к жизненным образам, темам и сюжетам.

Это особенно ярко сказалось в довольно слабом спектакле «Чужое дело», где Миронова превосходно, в новой для себя манере, сыграла Шуру Филиппову.

Чем примечательна эта роль?

Вспомните большинство образов созданных Мироновой за последние 7—8 лет на сцене и на эстраде, и вы почувствуете себя попавшим в своеобразный паноптикум. Все эти мантикюрши и театральные психопатки, бравирующие своим невежеством и пошлостью, — типичные персонажи карикатуры. И вдруг — Шура Филиппова. Простая советская девушка. Работница завода «Каучук», участница самодеятельного драмкружка.

Миронова, без оглядки на прошлое взялась за роль Шуры, почувствовала ее и наполнила живым содержанием. Вот с фронта приехал муж Шуры — капитан Филиппов. Радостная встреча. Шура — Миронова долго молча смотрит на мужа и, наконец, тихонько восклицает: «живой!» И в этом одном слове заключен целый рассказ о долгой, разлуке, о ночных слезах, и страхах, о счастье, о гордости любимым человеком.

В последних своих выступлениях на эстраде, Миронова также отказалась от анекдотических рассказов словоохотливых обывательниц. Она поет комические песенки с собственным конферансом. Ее героини — трамвайная кондукторша, телефонистка, заведующий столовой, девушка-милиционер. Тексты песен не блещут особенными достоинствами, но и не раздражают бессмыслицей и пошлостью, а передает их Миронова на редкость смешно, легко, просто и ярко.

В отличие от некоторых своих коллег, Миронова не успокаивается на достигнутом, ищет свой жанр, стиль, свое место в искусстве. Это отрадный факт.

М. Миронова в новой эстрадной программе.

Фото С. Пингарева.